

- отношениях XIX века // Пространство власти: Имперский опыт России и вызовы современности. М., 2001.
11. О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений: сборник материалов. СПб., 1911.
 12. Ошеров Е.Б., Суни Л.В. Финляндская политика царизма на рубеже XIX–XX вв. Петрозаводск, 1986.
 13. Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг.: в 3 т. / сост. Корелин А.П. Т. 2. 1909–1912 гг. Кн. 1. М., 2001.
 14. Революция 1917 г. и обретение Финляндией независимости: два взгляда на проблему // Отечественная история. 1993.
 15. Столыпин П.А. «Нам нужна Великая Россия...». Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906–1911. М., 1991.
 16. Ордин К.Ф. Собрание сочинений по финляндскому вопросу. Том II: Покорение Финляндии. СПб., 1909.
 17. Kaikkonen O. Aspekte zur Erforschung der deutsch-finnischen Beziehungen 1871–1914 // Zur Nordeuropa-Forschung. Greifswald, 1985.

Р.С. Асташкин

Самарская областная универсальная научная библиотека

**КНИГИ ИЗ БИБЛИОТЕКИ М.В. РОДЗЯНКО –
ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЮЗНИКА П.А. СТОЛЫПИНА –
В ФОНДЕ ОТДЕЛА РЕДКИХ КНИГ СОУНБ**

*М.В. Родзянко
(1859–1924)*

Одним из важных направлений деятельности П.А. Столыпина в качестве главы правительства стало налаживание диалога с III Государственной думой [6, с. 189]. До определенного момента премьер-министру удавалось поддерживать сотрудничество с одной из крупнейших политических партий того времени – октябристами [6, с. 190]. В то же время, по свидетельствам современников, после 1909 г. депутаты от «Союза 17 октября» все чаще оказывались в оппозиции к начинаниям Столыпина [6, с. 190]. Социальной опорой октябристов являлись

дворяне-помещики и «представители крупной, частично «одворяненной» торгово-промышленной и финансовой буржуазии и традиционных интеллигентских профессий» [12, с. 10]. Октябристская платформа была более умеренной, нежели программа другой крупнейшей либеральной партии – кадетской. В документах «Союза 17 октября» провозглашалась незыблемость «нового начала – начала конституционной монархии», введенного в российскую жизнь знаменитым манифестом Николая II [9, с. 58]. При этом октябристы «были противниками думского ответственного министерства, выступали за сохранение цензов при выборах в Государственную думу» [12, с. 11], а также отрицали возможность предоставления автономии национальным окраинам [8, с. 579]. Очевидно, фигура Столыпина, пользовавшегося репутацией реформатора-государственника, должна была вызывать симпатию у октябристских лидеров. Не случайно «Союз 17 октября» поддержал роспуск II Думы и введение военно-полевых судов [12, с. 16–17]. Отметим также, что позиция октябристов по аграрному вопросу повторяла основные положения столыпинской крестьянской реформы [12, с. 12]. Таким образом, на протяжении нескольких лет октябристы с известными оговорками являлись политическими союзниками Столыпина.

Сотрудничество премьер-министра и законодателей развивалось при активном участии Михаила Владимировича Родзянко. Этот мало-российский дворянин не просто принадлежал к числу лидеров «Союза 17 октября» – он сделал головокружительную политическую карьеру, увенчавшуюся постом председателя Государственной думы, а затем и должностью главы Временного комитета Думы – своеобразной предтечи Временного правительства. К сожалению, в историографии практически отсутствуют специальные исследования, посвященные личности Родзянко. В частности, почти не освещается его деятельность в качестве книжного коллекционера.

В фонде отдела редких книг СОУНБ хранятся три издания из частной библиотеки Родзянко. Это книги на французском языке, датируемые первой половиной XIX в. В первую очередь нужно упомянуть второй том приключенческого романа А. Дюма-отца «Жорж», изданный в Брюсселе в 1843 г., т.е. при жизни автора [14]. Другое издание является самым ранним из трех (1819 г.). Речь идет о втором томе «Итальянских писем» французского художника и скульптора А.-Л. Кастельяна (1772–1838 гг.) [15]. Наконец, в состав коллекции Родзянко входило парижское издание «Фауста» И.В. Гете (1847 г.) [16]. От последней книги, к сожалению, сохранилось только несколько первых страниц. На всех трех экземплярах неод-

нократно встречается отчетливый овальный штамп: «Библиотека М.В. Родзянко ус[адьба]. Топорок.»

Что же представляла собой книжная коллекция лидера партии октябристов и каким образом принадлежавшие ему издания оказались в Самаре? Прежде чем попытаться ответить на эти вопросы, нельзя не затронуть основные вехи биографии М.В. Родзянко. Михаил Владимирович

*Штамп библиотеки
М.В. Родзянко*

родился в 1859 г. в семье помещика Екатеринославской губернии. Окончив Пажеский корпус, он прослужил пять лет в Кавалергардском полку и в 1885 г. вышел в отставку в чине поручика. С этого момента началась карьера Родзянко в качестве общественного и государственного деятеля. В 1886–1891 гг. он выполнял обязанности уездного предводителя дворянства, затем, переехав в Новгородскую губернию, числился там уездным и губернским земским гласным. В начале нового века Михаил Владимирович вернулся в Малороссию, и в 1901 г. ему было доверено председательство в Екатеринославской губернской земской управе [8, с. 511]. Повторил судьбу других видных земцев того времени, Родзянко снискал известность в столице и буквально ворвался в мир большой политики. Он принял активное участие в создании «Союза 17 октября» и вошел в состав Центрального комитета партии [8, с. 511]. Одновременно наш герой продвигался по лестнице государственной службы, достигнув чина действительного статского советника (1906 г.). Но настоящую славу Родзянко принесла его работа в составе Государственной думы третьего и четвертого созывов. В 1910 г. октябристы избрали его председателем своей фракции, а в марте 1911 г. бывший кавалергард удостоился чести возглавить весь парламент. В должности председателя Думы Родзянко находился вплоть до февраля 1917 г. (а формально еще дольше) [8, с. 511]. Иными словами, в течение шести лет он пребывал на самой вершине российской политики.

Будучи одним из лидеров октябристов, Родзянко, вероятно, вполне одобрял тактику поддержки правительства Столыпина (некоторые современники даже считали его «ставленником» последнего) [2, с. 115]. В своих мемуарах он отзывался о премьере как о «железной воли человеке» [11, с. 100]. Кроме того, по словам Михаила Владимировича, премьер-министр вел с ним откровенные приватные беседы. Родзянко пишет: «Покойный П.А. Столыпин не раз горько жаловался мне на то, что при создавшемся положении вещей управлять Государством и законодательствовать невоз-

можно» [10, с. 12]. При этом нет оснований полагать, что два крупных политика поддерживали настоящую дружбу. Скорее всего, речь шла лишь о близости взглядов и взаимной симпатии. По выражению Родзянко, после убийства Столыпина «в правительственных кругах стало одолевать крайне правое течение, стремившееся сохранить и принизить значение народного представительства» [10, с. 12]. В то же время «звездный час» думского председателя наступил именно после смерти премьера-реформатора. Михаил Владимирович повел усердную борьбу с «крайне правым течением», т.е. с бюрократическими кругами, выступавшими против усиления позиций Думы. Более того, в своих выступлениях парламентский спикер обличал окружение царской семьи во главе с Г.Е. Распутиным. По убеждению Родзянко, ловкий авантюрист, пользуясь мистицизмом царской супруги, приобрел такое значение, что «по его совету и указанию назначались министры и должностные лица» [10, с. 18]. Также октябристский лидер обличал непристойное поведение Распутина, причем некоторые из приводимых им фактов затрагивали честь императрицы. С началом Первой мировой войны Родзянко стал обвинять членов «распутинского кружка» в шпионаже в пользу Германии, что опять-таки задевало Александру Федоровну – немку по происхождению [10, с. 44]. Подобные речи дискредитировали председателя Думы в глазах царя, однако общественная популярность Родзянко возрастала все сильнее. Многочисленные противники Распутина одобряли решительность Михаила Владимировича, проявленную им в т.ч. в начале 1913 г., когда он буквально прогнал скандального временщика с церемонии, проходившей в Казанском соборе [11, с. 130]. Начавшаяся война опять-таки сыграла на руку Родзянко: занимая последовательно патриотическую позицию, он превратился в живой символ «священного единения» общества. Именно председатель Думы стоял у истоков организации Особых совещаний, и он же в 1915 г. возглавил Эвакуационную комиссию [2, с. 117–118].

Таким образом, накануне 1917 г. Родзянко являлся одним из самых активных и популярных политиков [2, с. 119]. Революционные события еще более укрепили его влияние, хотя сам он до последнего момента выказывал лояльность прежней власти. В последних числах февраля Михаил Владимирович слал царю телеграммы с призывом даровать населению уступки. Эти тексты отличались весьма экспрессивным стилем: «Настал последний час, когда решается судьба Родины и династии» и т.п. [10, с. 59]. Однако император отреагировал на увещания думского спикера хорошо известной фразой: «Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать» [2, с. 120]. В тот же день (27 февраля)

лидер «Союза 17 октября» возглавил Временный комитет Государственной думы – переходный орган, взявший на себя задачу «приведения расшатанных устоев в нормальное состояние» [10, с. 59]. Последовавшая вслед за этим ликвидация монархии произошла также при участии Родзянко. Его соратник по партии – А.И. Гучков – настаивал на том, чтобы именно Михаил Владимирович предложил Николаю II отречься от престола [5, с. 267]. В итоге наш герой все-таки не был включен в состав соответствующей делегации. Но уже 3 марта 1917 г. члены Временного комитета встретились с великим князем Михаилом Александровичем; лидер кадетов П.Н. Милюков и монархист В.В. Шульгин свидетельствуют, что именно Родзянко убедил царского брата отказаться от предложенной ему власти [7, с. 273; 13, с. 541]. Сам Михаил Владимирович ссылался на угрозу «огромного кровопролития в стенах столицы, которое бы положило начало общегражданской войне» [10, с. 61].

После образования Временного правительства влияние Родзянко стало падать, так как ему попросту не нашлось места в составе кабинета. В.В. Шульгин приводит свои размышления по этому поводу: «Родзянко пойдет только в премьеры, а в премьеры нельзя, не согласятся левые и даже кадеты...» [13, с. 460]. Действительно, тот же П.Н. Милюков решительно отметал данную кандидатуру [7, с. 235]. В итоге один из главных участников февральских событий остался не у дел. Родзянко сохранил за собой пост главы Думы, но последняя «являлась уже абсолютно бессильным учреждением» [2, с. 122]. Партийная деятельность Михаила Владимировича также не имела шансов на успех, поскольку октябристы уже сходили с политической арены. После большевистского переворота Родзянко бежал на Дон и присоединился к Добровольческой армии. Однако белогвардейцы отнеслись к нему холодно – они видели в бывшем спикере чуть ли не главного виновника смуты [2, с. 124]. В 1920 г. Михаил Владимирович эмигрировал в Сербию, где и скончался через четыре года. Нельзя не заметить, что воспоминания Родзянко, изданные в т.ч. посмертно, представляют собой уникальный источник по российской истории начала XX в.

Современники оставили нам самые разные мнения по поводу личности Михаила Владимировича. Граф С.Ю. Витте отмечал, что «главное качество Родзянки заключается не в его уме, а в голосе, – у него отличный бас» [4, с. 445]. При этом он считал думского председателя «человеком не глупым, довольно толковым» [4, с. 445]. П.Н. Милюков относился к нашему герою скептически, замечая, в частности: «На своем ответственном посту он был явно не на месте и при малейшем осложнении быстро терялся» [7, с. 79]. В мемуарах лидера кадетов Родзянко предстает комическим персонажем,

который «надувался сознанием своей великой миссии» и в то же время боялся всякой ответственности [7, с. 175, 269]. В.В. Шульгин отзывался о вожде октябристов гораздо теплее: «При всех его недостатках, он любит Россию и делает, что может...» [13, с. 461]. Суммируя эти и другие оценки, можно предположить, что Родзянко не являлся глубоким интеллектуалом или видным политическим идеологом. С другой стороны, он явно обладал определенными чертами, позволившими ему добиться успеха на ниве политики (подкупающая искренность, энергичность, красноречие и др.). Возможно, яркая внешность Михаила Владимировича (злые языки называли его «барабаном» и «самоваром») в какой-то мере также способствовала его известности и популярности [2, с. 114].

Что же касается книжной коллекции Родзянко, то сведения, относящиеся к ней, достаточно скудны. Известно, что библиотека хранилась в усадьбе Топорок, расположенной в Новгородской губернии (отсюда и надпись на указанном штампе). Родзянко унаследовал это поместье от матери – Екатерины Владимировны, в девичестве Квашниной-Самариной. В 1890 г. он расширил усадебный дом, а в 1893 г. основал рядом с именем лесопильно-мукомольный завод, надолго переживший владельца [3, с. 382]. Насколько можно судить, думский спикер очень любил свое «лесное гнездышко» и старался бывать там как можно чаще [3, с. 383]. Усадебная библиотека Топорка отличалась крайне солидным объемом: она насчитывала 3500 названий в 8000 томов [1, с. 61]. Нужно отметить, что данное собрание формировалось с 1850 г., т.е. Родзянко унаследовал первоначальный состав коллекции вместе с усадьбой [1, с. 61]. Вероятно, библиотека пополнялась в т.ч. за счет книг, ранее принадлежавших другим владельцам. По крайней мере, на корешке вышеупомянутого тома А. Дюма присутствует суперэкслибрис «С.Р.», который на данный момент не удалось атрибутировать (среди ближайших родственников Родзянко людей с такими инициалами нами не обнаружено). По отзывам современников, в коллекции Михаила Владимировича не было «особенно старинных книг, а равно и рукописей» [1, с. 61]. С учетом отсутствия у владельца специальных научных пристрастий можно предположить, что данная библиотека не имела четко выраженной тематической направленности, т.е. была универсальной. Напомним, что книги со штампом этой коллекции, хранящиеся в СОУНБ, датируются первой половиной XIX в. Вполне возможно, что они были приобретены не самим Родзянко, а его родственниками по материнской линии.

К сожалению, нам пока не удалось выяснить, какая судьба постигла рассматриваемое книжное собрание после 1917 г. Как уже отмечалось, лидер октябристов бежал из Петрограда на юг, а затем и вовсе покинул Рос-

сию. Очевидно, Родзянко был вынужден бросить библиотеку вместе со всем поместьем. Усадьба Топорок, несомненно, повторила печальный путь множества помещичьих владений того времени. В результате грабежей и беспорядков многие книги наверняка были утрачены. В наши дни отдельные экземпляры со штампом собрания Родзянко хранятся в Российской национальной библиотеке. История появления трех книг из этой коллекции в Самаре также туманна. Штамп Государственного книжного фонда, стоящий на форзаце «Итальянских писем» А.-Л. Кастельяна, доказывает, что в данном случае имела место советская практика распределения «бесхозных» книг по региональным хранилищам. Два других экземпляра, в свою очередь, содержат штампы Куйбышевской областной библиотеки (Куйбышевская область была образована в 1936 г.).

Так или иначе, наличие в фонде СОУНБ книг, принадлежавших видному современнику и союзнику П.А. Столыпина, дает нам новый повод обратиться к российской истории начала XX в. и приглядеться к персонам, составлявшим тогдашнюю политическую элиту.

Библиографический список

1. Аничков, И. В. Обзор помещичьих усадеб Новгородской губернии. Новгород, 1916.
2. Архипов И.Л. Председатель Государственной думы М.В. Родзянко // Отечественная история. 2006. № 3.
3. Бриккер Л.Э. Усадьба М.В. Родзянко Топорок // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 12 (28). М., 2006.
4. Витте С. Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. М.; Пг., 1923. Т. 2.
5. Из показаний А.И. Гучкова Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. 2 августа 1917 г. // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996.
6. Кабытов П.С. П.А. Столыпин – последний реформатор Российской империи. Самара, 2006.
7. Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). М., 1990. Т. 2.
8. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: энциклопедия. М., 1996.
9. Программа «Союза 17 октября» // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996.
10. Родзянко М.В. Государственная Дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции / репринт. изд. М., 1991. Т. 6.
11. Родзянко М.В. Крушение империи // Гибель монархии. М., 2000.
12. Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996.

13. Шульгин В.В. Дни // Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1990.
14. Dumas A. George: T. 1 / Alexandre Dumas. Bruxelles : Meline, Cans et comp., 1843. [4], 262 p.
15. Castellan A.L. Lettres sur l'Italie, faisant suite aux lettres sur la Moree, l'Hellespont et Constantinople: T. 2 / Antoine Laurent Castellan. Paris : A. Neveu, libr. : Impr. de le Normant, 1819. [6], 307, [1] p., 17 pl.
16. Goethe [J. W., von]. Le Faust / Johann Wolfgang von Goethe ; trad. rev. et complete, precedee d'un essai sur Goethe par M. Henri Blaze ; ed. illustree par M. Tony Johannot. Paris : Michel Levy freres., libr.-ed. ; Dutertre, libr.-ed. : Typ. Lacrampe fils et comp., 1847. [6], [373] p., [8] pl., [1] ill.
17. Деф. экз.: нет обл. С. 9–373.

С.Г. Сиротина

*Саратовский государственный
социально-экономический университет*

ПОПЫТКА САМОДЕРЖАВИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ОТ МАНИФЕСТА 17 ОКТЯБРЯ К КОНСТИТУЦИИ)

Современный российский конституционализм основывается на развитии демократических идей и правовых принципов, впервые объявленных Высочайшим Манифестом 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка». Обусловивший переходный период российского государственного строя от абсолютизма к конституционной монархии, Манифест 17 октября 1905 г. положил фактическое начало истории российского конституционализма, когда на уровне Закона были закреплены основные принципы и идеи Конституции.

Манифест 17 октября 1905 г. готовился в условиях крайнего дефицита времени бюрократическими методами без привлечения общественных деятелей с целью успокоения смуты, охватившей всю Россию. Его текст был разработан графом С.Ю. Вите при участии Н.И. Вуича и князя А.Д. Оболенского. Он вводил Россию в новый фазис политического развития и декларировал основные принципы конституционализма – «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», а также устанавливал, как незыблемое правило, «чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы» [10, с. 91].